Эссе

Культура памяти в национальном и наднациональном контекстах: этика, цифровизация, формирование цивилизованных отношений

Ю.Л. Софронова, социолог, преподаватель Нижегородского государственного университета им.Н.И. Лобачевского, Россия

Размышляя о культуре памяти, стоит начать с самого общего представления о том, что всякая культура образует систему, содержащую два важнейших компонента: *ценностно-смысловой и практический, деятельный*. Сквозь призму собственной идентичности, своего социального статуса и своей профессии каждый, кто прикасается к памяти о Второй мировой войне, определяет и непосредственно, и опосредованно, что и как помнить, и что следует делать, чтобы не забывать. Будучи социологом и преподавателем гуманитарных дисциплин в современном российском вузе, мне также хотелось бы сформулировать ряд вопросов (соображений) по теме и попытаться дать свои ответы на них.

Начнём с того, что для социологии (как отмечают российские учёные А.В. Резаев и Д.М.Жихаревич, ссылаясь на Норберта Элиаса[1]*) характерна устойчивая оппозиция понятий культуры и цивилизации*, «цивилизация предполагает единство человеческой природы, и хотя разные народы в разное время могут быть более или менее цивилизованными, уровни их развития можно сравнивать; культура, наоборот, уникальна и сравнению не поддаётся; цивилизация описывает все аспекты человеческой жизни; культура, скорее, относится к сфере духа; цивилизация предполагает постепенное усложнение и упорядоченность, которую человек способен в себе развить и воспитать, культура же отсылает к надындивидуальной общности, аутентичности и *неявному знанию*». Для нас социологическое противопоставление категорий, обозначенное Элиасом, может означать следующее.

То, как мы помним, может рассматриваться с точки зрения нашей культурной уникальности (идентичности), наша память – это наше сознание и самосознание (прежде всего, коллективное, национальное), а нередко, и нечто бессознательное (неосознаваемое). И понятие культуры памяти может быть дополнено представлением о «процессе цивилизации памяти», то есть упорядочением и модернизацией социальных практик, связанных, в частности, с

[1] А.В. Резаев, Д.М.Жихаревич. В поисках доверия: сравнительно-историческая социология публичной сферы А. Папакостаса // А.Папакостас. Становление цивилизованной публичной сферы…. – М.: ВЦИОМ, 2016. – С.11 – 12.

памятью о Второй мировой войне. Кроме того, представление о «цивилизованной памяти» позволяет выработать некие универсальные критерии, с позиции которых действительно можно сравнивать различные общества в их стремлении быть не архаичными, косными или отсталыми, но современными и прогрессивными.

Онлайн-семинар «Культура памяти изнутри: как мы помним Вторую мировую войну в Беларуси, Германии, Украине, Польше, России» (Минский образовательный центр Й. Рау, 30 ноября – 4 декабря 2020 г.) позволил получить определённое представление о том, какие явления и процессы характерны сегодня для культурного пространства памяти перечисленных стран. Эти культурные процессы действительно имеют свою специфику – у каждого государства есть основания для внутренней солидаризации, консенсуса, но также есть и противоречия, обусловленные различными факторами, прежде всего, политическими. При этом, каждая страна в силу своих возможностей пытается найти баланс между традициями и инновациями, поскольку развитие информационно-коммуникационных технологий заставляет задумываться о применении этих средств в музейной, архивной, образовательной, просветительской деятельности. Проекты реализуются, и наиболее впечатляющими здесь являются технологии дополненной реальности. В этом плане одним из наиболее ценных мне показался комментарий Томаша Чебульского – историка и экскурсовода Мемориала Освенцим, который отметил, что мы перешли от информационного общества к практикам «infotainment», но есть опасность «сползания» в практики «traumatainment», и хотелось бы согласиться, что риск восприятия трагедии как развлечения можно рассматривать в качестве «красной линии» в общечеловеческой культуре памяти, которую переступать нельзя.

Что происходит сегодня в современной России? Как функционирует культурная память о Второй мировой войне, в какой степени реализуются процессы цифровизации, модернизации средств и практик памяти? Вопросы фундаментальные и сложные, в рамках онлайн-семинара о достижениях и возможностях применения цифровых технологий в историческом образовании и просвещении слушателям рассказали представители Международного Мемориала (г. Москва) Эвелина Руденко и Наталья Йозеф. Доклады и презентации историков о новых форматах и работе с целевыми аудиториями можно оценить как крайне полезные и ценные. Акцент на культурной специфике был сделан в докладе Александры Архиповой и Анны Кирзюк

«Память о Второй мировой войне и Холокосте в России» (РАГС при Президенте РФ, г. Москва). И само повествование, и выводы являются чрезвычайно интересными и убедительными, историки охарактеризовали как официальный контекст в целом, так и сосредоточились на вопросе памяти о Холокосте. Размышляя над тем, что было сформулировано экспертами, хотелось бы отметить следующее. Действительно, советская официальная идеология не предусматривала сбережение памяти о геноциде евреев на территории СССР, и особенно показательной и ошеломляющей здесь является послевоенная история Бабьего Яра, кульминацией которой стала Куренёвская трагедия[1] марта 1961 г. Не только история событий в лагере Тростенец в ареале Минска, но и само название места до сих пор известны преимущественно профессиональным историкам, для широкой аудитории в России всё это – terra incognita. О массовых расстрелах евреев на территории Брянской области (Карховский лес)[2] или трагедии Змиёвской балки[3] я, не являясь историком по образованию, узнала именно из доклада А.Архиповой и А. Кирзюк. Из каких массовых источников среднестатистический советский молодой человек мог получить информацию о Холокосте? Конечно, это роман А. Кузнецова «Бабий яр» (документальный, но прошедший цензуру). Вспоминается, как много лет назад я случайно нашла в стопке старой литературы журнал «Юность» и впервые прочитала отрывки из этой книги. В советских фильмах и книгах о войне также присутствуют косвенные упоминания о намерениях и действиях нацистов в отношении евреев, например, всплывает в памяти эпизод из повести Василя Быкова «Знак беды», где сельские мальчишки впервые подбирают и читают сброшенные с самолёта нацистские пропагандистские листовки с разъяснением, «кто есть кто», хотя до этого они даже никогда не рефлексировали по поводу собственной национальности. Советские школьные учебные программы не предусматривали официальных повествований на данную тему, однако, на рубеже 90-х и 2000-х, обучаясь в магистратуре по социологии, я прослушала курс лекций о Холокосте (там был сделан акцент на событиях в Германии и Польше). В этот же период состоялась, в частности, премьера концерта Исаака Шварца «Жёлтые звёзды» (памяти Рауля Валленберга), с содержанием которого лично я познакомилась гораздо позже. В 90-е гг. в России началась активная открытая дискуссия о сталинских репрессиях, и имя Рауля Валленберга в рамках этих обсуждений упоминалось неоднократно. Например, Валленберг представлен в качестве одного из «героев второго

---

[1] Куренёвская трагедия. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии https://ru.wikipedia.org/wiki/Куренёвская_трагедия

[2] Мемориал в память о жертвах Холокоста.29.09.2016. http://www.novozybkov.ru/beads/article/1119

[3] Массовые казни в Змиёвской балке. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые_казни_в_Змиёвской_балке

плана» в романе популярного советского писателя, автора политических детективов Юлиана Семёнова «Отчаяние» (1990 г.).

В постсоветском культурном пространстве узнать о геноциде евреев периода Второй мировой войны стало и проще, и сложнее. Точкой отсчёта для многих, безусловно, стал фильм Стивена Спилберга 1993 г. «Список Шиндлера» с пронзительной музыкой Джона Уильямса, эпоха Интернета дала возможность пользования разнообразными открытыми источниками, в мае 2018 г. в России состоялась премьера фильма «Собибор» К. Хабенского, получившего и позитивные, и критические отзывы. Другими словами, культурное пространство памяти о Холокосте стало более насыщенным в плане информации, однако, существует целый ряд других проблем, связанных с восприятием и интерпретацией событий, и сбережением памяти в целом. Да, те проблемы и противоречия, о которых рассказали А.Архипова и А. Кирзюк, являются актуальными для современной России. «Большинство опрошенных нами респондентов не связывают Холокост со своей страной», говорят историки, а конфликт в Ростове-на-Дону (Змиёвская балка) свидетельствует о нежелании местных властей отказываться от привычной практики умалчивания и нивелирования национальной идентичности убитых граждан (все погибшие – советские люди). С другой стороны, как показал доклад экспертов, в этой ситуации есть и светлые моменты – исследовательская деятельность профессиональных историков, низовая активность граждан, пытающихся узнать что-либо о своих расстрелянных родственниках, усилия «активистов памяти», ухаживающих за могилами по мере сил и возможностей, и практически неизученная, но вдохновляющая тема праведников мира в России. Решение данных вопросов зависит от того, в какой степени и активисты, и российское гражданское общество, и научное историческое сообщество смогут отстоять коллективные интересы, ради поиска и защиты истины.

Современные проблемы и конфликты как раз и обусловлены спецификой российской культуры памяти, в значительной степени она остаётся по своему характеру постсоветской, по инерции идеологизированной и догматичной. Эта догматичность проявляется, помимо прочего, в однозначности трактовок исторических событий, в устойчивости деклараций. Если какая-либо историческая версия была утверждена кем-то и когда-то сверху, не должно оставаться сомнений в её верности – «только так, и не иначе, только чёрное или белое, без оттенков!». Сконструированные в советском прошлом интерпретации закрепились в практиках преподавания и коммуникации. Догматизм привносит

схематичность, стремление объяснять всё «по лекалу, по шаблону», не выходя за определённые рамки. С другой стороны, как отметил Норберт Элиас, «культура представляет собой неявное знание», то есть в ней присутствует нечто, что принято называть «коллективным бессознательным». Догматизм, по всей вероятности, как раз и стал частью нашего культурного бессознательного, в котором также присутствуют разнообразные «табу» на сомнение, критику, выход за рамки и стремление отстаивать данные запреты. Во благо ли такая позиция? Если во благо, то кому? Как выстраивать «стратегию памяти», адресованную молодёжи? Ведь запреты и схематизм способны гасить исследовательский интерес и гражданскую активность. Вот здесь и возникает основное противоречие. В интервью с представителем послевоенного поколения, бывшим советским военнослужащим, который в настоящее время руководит районным музеем Великой Отечественной войны в Н. Новгороде, прозвучала следующая точка зрения:

«– Как Вы считаете, что важнее – правда или лучше сохранить всё так, как есть?

– Вы знаете, ветеранов сейчас практически уже не осталось, они ушли. Лучше сохранить светлую память, чем выливать грязь на них. Время уже ушло, а об ушедших людях говорят или хорошее, или ничего. Историческая правда у нас есть – мы войну выиграли, мы дело правое сделали. А уж тонкости, нюансы, ну зачем их выливать? Тем более что уж результат от этого… не будет никому лучше. Ветераны уже ушли, …прожили жизнь с достоинством, так? И сейчас говорить, что «он плохой…». Сейчас везде – Жуков, Жуков, Жуков. …Если почитать воспоминания сослуживцев, это был крайне деспотичный, жесточайший человек. Но своей жестокостью, своей непримиримой волей, большим количеством жертв – войну-то он выиграл. Понимаете? …Жертв могло быть меньше, а ещё и не факт, что мы бы выиграли тогда….».

Конечно же, с одной стороны, речь здесь идёт об этической границе, о балансе между этикой и истиной, а с другой стороны, это может быть противоречие между истиной и догмой, правдой и мифом. Как нащупать эту тонкую грань, как понять, что этично, а что нет? Это сложнейшие вопросы и вызовы, которые стоят перед обществом, в том случае, если есть желание думать и действовать. Здесь в качестве примера можно привести ещё одно мнение: «Понятно, что войну нельзя идеализировать, это были не только подвиги – было и грязно, и страшно. Но когда мы пишем и говорим об этом,

нужно всегда быть максимально корректными, бережными к памяти о тех людях. Ни в коем случае нельзя навешивать ярлыки, *потому что мы не знаем даже тысячной доли того, что там было на самом деле. Много судеб было поломано, исковеркано* (курсив мой, Ю.С.). И многие ветераны, вопреки всему тому, что пришлось им пережить, сохранили до конца своих дней ясный взгляд, чувство юмора, оптимизм. Нам самим многому учиться у них»[1]. Но опять же, есть противоречие – не знаем, «что там было на самом деле», и не хотим знать? А может быть, проблема в том, что этим людям, тем самым ушедшим уже из жизни ветеранам, просто никто и никогда не задавал вопросов на эти сложные темы? А если они *хотели* рассказать, но идеологии это было не нужно? Получается, что наша культура памяти характеризуется наличием множества непроговоренных и неотрефлексированных травм, «огороженных» официальными барьерами. Эти травмы связаны и с историей Второй мировой войны, и с историей сталинских репрессий, и с послевоенным периодом функционирования советского государства. Но непроговоренная травма означает неизлеченную боль – темы, связанные с войной, и без того всегда болезненны, и даже для современного общества характерно желание абстрагироваться, не прикасаться к прошлому, связанному с гибелью людей, страданиями, мучениями. А если мы намеренно инициируем дискуссию, значит, необходимо чётко понимать – для чего, во имя чего, ради кого, с помощью каких средств.

Один из очевидных ответов, который можно назвать общепринятым: говорить о трагедиях прошлого нужно для того, чтобы они не повторились в будущем. В рамках рабочей группы «Цифровая история для образования» (онлайн – семинар «Культура памяти…») мы с украинскими и российскими коллегами попросили студентов вузов из Харькова, Донецка (ДонНУ им. В. Стуса в Виннице), Иркутска, Нижнего Новгорода записать короткие видео, где они размышляют о Второй мировой войне, отвечая на вопросы о личных семейных историях, Холокосте, героях и жертвах. Комментируя то, о чём говорили девушки и юноши, стоит отметить, что мотив «знать о войне нужно, чтобы такого больше не было» звучит в нескольких интервью. *«Говорить об этом нужно для того, чтобы предотвратить такую же ситуацию, чтобы люди знали, насколько это ужасно и никогда не хотели повторить это»* (София, РФ). *«Вторая мировая война – это то, что не должно никогда больше повторяться. Это напоминание о том, каким жестоким может быть любой*

[1] Соловьёва, В. Могилы с ромашками. Как женщины жили и умирали на войне. История. РФ // https://histrf.ru/biblioteka/b/moghily-s-romashkami-kak-zhienshchiny-zhili-i-umirali-na-voinie

военный конфликт, и во что он может превратиться» (Александра, РФ). *«…Люди пам'ятають і не хочуть натикатись знову на знищення цілого етносу. Це пам'ять, яка допомагає не повторювати цих помилок знов. Тому що це велика помилка, це велике горе, це трагедія для всього світу, і так не повинно взагалі бути»* (Яна, Украина).

С одной стороны, мы все прекрасно осознаём, насколько верны эти утверждения и разделяем их. С другой стороны, конфликты продолжаются, и возникает вопрос – что мы делаем не так? Почему спустя десятилетия после окончания самой кровавой войны человечество «наступает на те же самые грабли»? Стоит предположить, что современные войны, помимо прочего, это наши проблемы в массовом образовании, те самые пробелы, пустоты в знании и понимании, которые, возможно, в той или иной степени создают «благоприятные условия» для возникновения новых острых противоречий.

Что же следует делать в такой ситуации, что предпринять? Как добиться равноправия различных взглядов и стимулировать работу ума? Как возможно преодолеть привычное недоверие к альтернативным или неоднозначным взглядам на историю Второй мировой войны? Являются ли корни этого недоверия сугубо культурными, опосредованными особенностями исторического пути? И да, и нет. Вновь обращаясь к достижениям социологии, хотелось бы обратить внимание на работу социолога А. Папакостаса «Становление цивилизованной публичной сферы» (2012)[1]. Папакостас постулирует в этом исследовании, что проблема недоверия связана прежде всего, с дефицитом прозрачности (циркулирования информации и работы правил), с отсутствием социальной инфраструктуры, которая бы обеспечивала данную прозрачность. Применяя данный подход к анализу культуры памяти о Второй мировой войне, можно предположить, что деятельность историков по созданию архивов устных историй (воспоминаний), как раз и направлена на достижение этой базовой цели. В качестве примера можно привести четырёхчасовое интервью с Екатериной Ш. 1924 года рождения, размещённое на портале «Принудительный труд 1939 – 1945»[2]. Интервьюируемая рассказывает о своём драматическом жизненном пути, связанном с тем, что осенью 1941 года, будучи санитаркой и оказавшись в окружении, она попадает в плен, проходит через пересыльные лагеря (в том числе барак для больных тифом), и в конце концов оказывается на работе в Германии. Лично для меня,

---

[1] А.Папакостас. Становление цивилизованной публичной сферы…. – М.: ВЦИОМ, 2016. – 224 с.
[2] Интервью с Екатериной Ш. «Принудительный труд 1939 – 1945» https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za323

как для человека, родившегося в Советском Союзе, и не являющегося специалистом по истории, многое в рассказе Екатерины Ш. прозвучало нетипично и непривычно. И прежде всего, это комментарии рассказчицы о нескольких немецких семьях, в которых она находилась и работала. Очевидно, что в определённом смысле для меня это – «разрыв шаблона», однако, оснований недоверять человеку, повествующему о своей судьбе, в данном случае нет. Другой вопрос, как сделать подобные истории доступными массовой аудитории и для решения каких задач?

Конечно, взгляд на события *сквозь призму индивидуальных историй* является действенным способом преодоления многих барьеров, сконструированных официальной идеологией. Поэтому произведения А.Солженицына или С.Алексиевич в своё время стимулировали определённые изменения в советском и постсоветском обществах. Стоит отметить, что, в частности, и советский кинематограф периода хрущёвской оттепели конца 50-х – начала 60-х гг. отличался неподдельной искренностью, обаянием и эмоциональностью. Это была не только героика и история масштабных битв, но и попытка (в силу возможностей) рассказать о человеке, без пафоса, без назиданий, даже с юмором. Особо примечательным здесь, является, например, военная мелодрама (трагикомедия!) 1968 года «Женя, Женечка и Катюша» режиссёра В. Мотыля[1]. Властями фильм был признан «вредным», но у зрителя имел большой успех и остался в истории кино – благодаря таланту создателей и нестандартностью подхода к военной теме.

Обращение к индивидуальным историям подразумевает, безусловно, их анализ, и в целом, инициирование дискуссии о судьбах людей и разнообразных исторических событиях – это ключевые инструменты, которые используются в образовательном, просветительском процессе. Выживание и гибель человека на войне – это всегда ряд серьёзных, сложных экзистенциальных вопросов и тем, которые требуют ответственного и корректного обсуждения. Феноменологический анализ, например, можно также назвать одним из важнейших средств изучения индивидуальных и коллективных историй, рассмотрения базовых смыслов. В тех условиях, когда войны и конфликты между государствами продолжаются, возможно, особенно важно акцентировать внимание *на микроаспектах человеческих отношений* в терминах «до и после». Где пролегает граница между миром и войной? Как можно обозначить

[1] Женя, Женечка и «катюша». Материал из Википедии – Свободной энциклопедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Женя,_Женечка_и_«катюша»

эту тонкую грань под названием «точка невозврата»? Как друзья и соседи вдруг становятся противниками и врагами? Почему это происходит?

В поиске ответов на эти вопросы может быть полезной, в том числе, работа с историями, рассказанными с помощью современных цифровых технологий. Это видео, подкасты, проекты, создаваемые для социальных сетей. Одним из наиболее запоминающихся стал Instagram-проект «eva.stories» – веб-сериал на основе дневников еврейской девочки Евы Хейман, погибшей в газовой камере лагеря Освенцим 17 октября 1944 г. Проект был инициирован израильским миллиардером Мати Кохави и его дочерью Майей, в память о жертвах Холокоста[1]. Титульная надпись на английском «Основано на реальной истории. В память о шести миллионах евреев, убитых во время Холокоста», дополнена тремя ключевыми для темы памяти формулировками. «Как ты думаешь, люди будут помнить о нас?», «Мир забывает. Но мы не будем», «Что, если бы у девочки во времена Холокоста был свой аккаунт в Instagram»? С помощью проекта «eva.stories» можно увидеть, как война сначала незаметно, потом всё более очевидно, и наконец, со всей страшной силой вторгается в размеренную, повседневную жизнь человека. Особенно остро это ощущается, когда речь идёт о совсем юной, жизнерадостной и романтичной девочке тринадцати лет, её семье, подругах и друзьях. Будучи наблюдателем «прямого эфира», каждый зритель может описать, что такое война. Война – это когда вы болтаете и смеётесь на улице вместе с подругой, а прохожий вдруг грубо высказывается по поводу вашей национальной принадлежности, когда толпа солдат с оружием заходит в семейную аптеку и выгоняет посетителей, а мерзкий тип в строгом костюме, облепляя взглядом, задаёт странные вопросы и заявляет, что вы должны идти домой, а аптека конфискована в пользу государства. Война – когда этот взрослый мужчина внезапно начинает орать на тебя и твоего дедушку. И вот она – растерянность, попытка понять, что происходит, потому что ты в свои тринадцать лет знаешь, что такого быть не может, потому что мир прекрасен, а люди – добры и открыты.

Ещё один интереснейший «пограничный процесс» – это тема деятельности «активистов памяти», о которой в рамках онлайн-семинара шла речь, в частности, в докладе А. Архиповой и А. Кирзюк. Крайне полезным здесь может быть изучение личных историй, когда внуки погибших и выживших в Холокосте – представители «третьего семейного поколения» (по терминологии и методологии Я. Ассмана, коммуникативная память в пространстве третьего

[1] Eva Stories. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Eva_Stories

поколения начинает исчезать[1]), переходят от «пассивного знания» о трагедии к неким активным действиям (например, поиск места расстрела, захоронения, уход за могилой, участие в коллективной коммеморации). Что именно стимулирует и мотивирует людей к усилиям такого рода, где эта грань между забвением и памятью? На мой взгляд, эти вопросы также являются ключевыми для современного общества, рассмотрение которых требует соблюдения всех этических норм.

И, конечно же, наиболее горестные и самые сложные темы – это даты и события Холокоста. В видеоролике «Экскурсия в Бабий Яр» представитель Украинского центра изучения Холокоста А. Подольский, рассказывая о трагедии, использовал формулировку «конец всей морали человеческой». Вопрос о конце морали – это вопрос о том, как люди перестают быть людьми, уничтожая себе подобных во имя античеловеческой идеологии. Как такое становится возможным и можно ли, в принципе, объяснить необъяснимое? Предлагают ли нам что-либо для понимания этих трансформаций социальные психологи, например, исследования Зимбардо или Милгрэма? Что такое диктатура и тоталитаризм, которые создают основу для конца морали? История, таким образом, становится междисциплинарной сферой знаний, где анализировать непростое прошлое можно с точки зрения достижений различных гуманитарных наук.

Для молодого поколения не менее важно посмотреть на историю Холокоста с точки зрения темы праведников мира, и как уже было отмечено ранее, отдельного изучения требует история праведников мира в России. Это одна из самых светлых и обнадёживающих сторон предельно трагического повествования о Холокосте, и это – не только рассказ о конце морали, но и изучение фактов личного и коллективного противостояния жестокости тоталитарной системы: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

Конечно, хотелось бы, чтобы память о Второй мировой войне была не поводом для раздоров, а основанием для солидаризации, как на национальном, так и наднациональном уровнях. В данный момент, по целому ряду политических и иных причин, чаша весов перевешивает в сторону конфликтов. Однако, в российско-украинских отношениях последних лет, например, есть и примеры некоторого сближения в сфере культурных практик памяти. Это, в

---

[1] Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.

частности, социальный проект «Щоб пам’ятали» (2015, канал СТБ, Украина), посвящённый Дню Памяти и Победы, в котором приняли участие украинские звёзды, а также российский музыкант А. Макаревич[1], польский режиссёр К. Занусси. Также, несмотря на то, что съёмки художественного фильма, посвящённого судьбе советского снайпера Людмилы Павличенко «Незламна» / «Битва за Севастополь» начались ещё осенью 2013 года (премьера состоялась в 2015 г.), всё же этот фильм стоит рассматривать как повод для размышлений об общих моментах прошлого и специфике настоящего.

Таким образом, каждый из нас, в рамках статуса и профессии, в силу возможностей, может участвовать в обозначенных выше процессах. Это исследование, раскрытие особенностей национальной и наднациональной культуры памяти о войне и её последствиях, формирование цивилизованных, этичных отношений, структурная модернизация коммеморативного пространства, «ненасильственное сопротивление» идеологическим барьерам. Большая ответственность лежит на учительском и преподавательском сообществе, именно от нас во многом зависит, какие смыслы будут предложены молодому поколению для собственных размышлений о Второй мировой войне.

1 Андрій Макаревич, "Щоб пам'ятали". Соціальний ролик StarLightMedia до Дня пам`яті і перемоги 2015 https://www.youtube.com/watch?v=wA4oYQA13lU